

Анатолий
ВИШНЕВСКИЙ

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Семья меняется

Среди многих вызовов, с которыми сталкиваются европейские общества на исходе XX века, первостепенное место занимают вызовы, исходящие из одной из самых интимных областей человеческой жизни — семейных отношений и продолжения рода. В ней происходят огромные перемены, их анализ и составил содержание доклада французского социолога и демографа Луи Русселя¹.

Насыщенная картина новейших изменений европейской семьи, нарисованная в докладе А. Русселя, показывает, как мало она напоминает любой из классических типов крестьянской семьи, на протяжении тысячелетий считавшихся общепринятыми. Изменения затронули все звенья процесса формирования семьи, все стороны ее жизнедеятельности. Все страны европейского региона проходят через эти изменения, совокупность которых иногда обозначается термином «второй демографической переход», предложенным демографами голландцем Дирком Ван де Каа и бельгийцем Реном Лестегемом².

Среди этих изменений новый тур снижения рождаемости, сокращения числа зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, увеличение числа разводов и внебрачных рождений и т. д. Вот некоторые сведения, заимствованные из доклада Русселя и других источников.

В 1965 году из 28 рассмотренных в докладе стран (в основном европейских, но также США и Канада) только в трех — Болгарии, Венгрии и Румынии — так называемый коэффициент суммарной рождаемости (среднее число детей на одну женщину) был ниже, чем 2,3. В 1990 году практически во всех этих странах он был ниже отметки 2,3, а в 21 из них опустился ниже 2. В большинстве европейских стран (в 20 из 23, по которым имеются данные) женские когорты, родившиеся в 1930 году, дали жизнь такому числу детей, которое было достаточно

¹ В основу статьи положен содоклад автора к докладу Луи Русселя «Рождаемость и семья» и обзор официальных заявлений правительств европейских стран по этой теме на Европейской Конференции по народонаселению в Женеве в марте 1993 года (США, Канада, Турция и Израиль формально также входят в регион Экономической Комиссии ООН для Европы, которая проводила конференцию); *См. также доклад профессора Л. Русселя.*

² R. Lesthaeghe, D. J. van de Kaa. Twee demografische transitities. In: Lesthaeghe & van de Kaa (editors) *Groei of Krimp? Deventer, 1986*; D. J. van de Kaa. Europe's Second Demographic Transition. «Population Bulletin». Wash. 1987, vol. 42, № 1.

для замещения родительского поколения. Если же взять женщин, родившихся в 1955 году, то такое замещение обеспечивается только в 6 из 23 стран. Наибольшее влияние на падение рождаемости в целом оказало резкое сокращение числа третьих и последующих рождений.

В большинстве стран Западной Европы уменьшилось число лиц, вступающих в брак. Например, из каждых ста женщин, родившихся во Франции в 1940 году, к возрасту 50 лет хотя бы один раз вступали в брак 93; для родившихся же в 1960 году эта доля оценивается в 80 из 100. Соответствующие показатели для Англии 97 и 86, для Италии 92 и 82, для Швеции 91 и 70 и т. д. Наряду с уменьшением числа вступающих в брак женщин, а значит, и мужчин, вырос и средний возраст вступления в первый брак. В 1960 году женщины впервые выходили замуж, в среднем, в 22—23 года, в 1990 — в 25 лет.

Все это относится к официально зарегистрированным бракам. Но отказ от них или откладывание их сроков сопровождался ростом числа «свободных союзов». Так, доля женщин в возрасте 20—24 года, живущих в таких союзах, в Англии за 1976—1989 годы выросла с 2 до 10 процентов; в ФРГ за 1972—1982 годы — с 1 до 14; во Франции за 1975—1985 — с 4 до 19; в Швеции за 1975—1981 — с 29 до 44, в Дании за то же время — с 30 до 45. В целом же, как отмечает Руссель, в Северной, а в меньшей мере и в Западной Европе добрачное сожительство охватывает большинство населения. Оно приобрело практически всеобщий характер в Швеции и охватывает 70 процентов случаев во Франции. В этих частях Европы «союзы в целом — как в браке, так и без брака, — создаются так же рано, как и в прошлом, и их окончательная частота остается более или менее постоянной». В Южной же Европе и в Северной Америке распространение сожительства пока не компенсирует снижения брачности.

Рост числа свободных союзов сопровождается и ростом числа рожденных в них детей. Руссель указывает на хронологическую последовательность изменений: сначала — снижение рождаемости, затем увеличение числа разводов, затем — рост числа сожителей и, наконец, повышение рождаемости вне брака. В большинстве случаев родители внебрачных детей в конечном счете вступают в брак, но в то же время растет число детей, рожденных в союзах, которые все чаще распадаются, не дожив до брака. Сейчас в Швеции и Исландии уже больше половины детей рождается вне брака, в Дании, Франции, Норвегии, Великобритании — от четверти до половины, растет число внебрачных рождений и в других странах.

Повсеместно быстро ослабевает прочность браков. В начале 60-х годов вероятность развода для вступивших в брак в большинстве европейских стран не превосходила 10 процентов, к концу 80-х она почти нигде не была ниже 10, во многих странах превышала 30 и даже 40 процентов. Конечно, одновременно увеличивается число повторных браков и их доля в общем числе браков. Но вероятность вступления в брак разведенных мужчин и женщин падает.

Все эти сдвиги представляют для нас отнюдь не только академический интерес. В той мере, в какой статистика, как правило, менее совершенная чем на Западе, позволяет судить о происходящем в России, в других бывших республиках СССР, в большинстве стран Восточной Европы, можно утверждать, что в основном они идут по тому же пути, что и Западная Европа, хотя и с некоторым отставанием.

Разводы здесь часто более распространены, чем в других районах Европы, а простота получения развода порождает большое число кратковременных браков, которые по характеру взаимных обязательств супругов мало чем отличаются от сожительства. Частота же явных со-

жительства здесь изучена намного хуже, чем в Северной или Западной Европе. Но косвенно о ней свидетельствует статистика внебрачных рождений, рост числа которых сам по себе стал типичной чертой происходящих перемен. По доле внебрачных рождений такие страны, как Эстония (25,2 на 100 рождений) или Словения (23,3) не так уж отличаются от Франции (30) или Великобритании (27,9), а Латвия или Венгрия (соответственно 15,9 и 12,4) опережают Германию (10,5) или Нидерланды (11,4). Рождаемость в Восточной Европе в конце 80-х годов была выше, чем в других ее частях, но этому предшествовал период, когда соотношение было обратным. Простое замещение поколений обеспечивается здесь далеко не всегда. Например, в Венгрии или Латвии нетто-коэффициент воспроизводства не достигает 1 уже несколько десятилетий; в 70—80-е годы он был, как правило, ниже этого уровня на Украине, в Белоруссии, Литве, Эстонии. Если же говорить о рождаемости женских когорт, то во всех этих государствах не воспроизводят себе когорты, родившиеся уже перед Второй мировой войной, а может быть, и ранее.

Это относится и к России. Она никогда не знала поздней европейской брачности, не знала и не знает того уровня окончательного безбрачия, который так вырос в последние десятилетия в Европе. Но зато мы давно уже опережаем Европу по числу разводов. Еще в 1970 году, когда число разводов на тысячу жителей нигде в Западной Европе не достигало 2, в России оно составляло 3. В 1990 году показатель в некоторых европейских странах приблизился к 3, но в России он составлял уже 3,8 на тысячу, а в некоторые годы был даже выше. Между частотой браков, разводов и сожительства есть определенная связь: большое число разводов, по крайней мере отчасти, — своеобразная плата за почти всеобщую брачность и неразвитость института свободных союзов у нас в стране.

Что касается рождаемости, то на протяжении 80-х годов коэффициент суммарной рождаемости в России, как правило, был незначительно выше двух, но до этого он опускался и ниже этого уровня. В начале 90-х годов он снова упал (в 1991 году — 1,73), хотя даже в это кризисное время он выше, чем, скажем, в Германии, Нидерландах, Италии, Испании, Португалии, Швейцарии и т. д. Не обошел Россию и рост числа внебрачных рождений. В 1980 году на их долю приходилось 11 процентов всех рождений, в 1990-м — 14,5. Это, примерно, уровень таких стран, как Венгрия, Ирландия, Португалия.

Все эти перемены имеют далеко идущие последствия. Они сильно влияют на индивидуальный жизненный цикл, особенно женщин, которые все больше втягиваются в оплачиваемую трудовую деятельность вне дома.

В России этим никого не удивишь: трудовая занятость женщин здесь давно уже стала почти всеобщей. Но и на Западе доля работающих (часто неполное рабочее время) женщин во многих странах превышает 50, 60, а в странах Северной Европы даже 70 процентов. Растет число одиноко живущих людей («домохозяйства, состоящие из одного человека»); порой они составляют 20 и более процентов от общего числа домохозяйств. Множатся неполные семьи с детьми, но только с одним из родителей (в 85 процентах случаев это женщины). Некоторые западные новшества пока не слишком распространены в России и вообще в Восточной Европе. Таковы, например, все более раннее «отпочкование» детей, начинающих жить самостоятельно, не дожидаясь вступления в брак, или раздельное проживание супругов (юридических или фактических). Однако здесь сдерживающую роль могут играть чисто материальные ограничения, отсутствие жилья и т. п.

Необратимый кризис или обновление?

Как относиться к происходящим с семьей переменам? Говорят ли они о необратимом кризисе, о распаде этого тысячелетнего института или речь идет о его приспособлении к сильно изменившимся в XX столетии условиям человеческого бытия? Подрывают эти перемены устойчивость европейских, в том числе и российского, обществ или, напротив, укрепляют ее?

Позиция Л. Русселя, как и многих других западных специалистов, сводится к следующему. Европейская семья переживает «кризис». Но это не означает, что она больна, а означает, что она находится где-то посредине «между обесценившимся прошлым и неопределенным будущим». Наше общество меняется, и семья не может не меняться вместе с ним. Разумеется, нельзя отрицать хорошо известных проблем, возникающих в связи с падением рождаемости, старением населения, нестабильностью брака, ростом числа свободных союзов и внебрачных рождений, большим числом аборт и т. п. Но не следует забывать и о другой чаше весов, на которую ложатся приобретения XX века: расширение свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, равенство партнеров, большие возможности контактов между поколениями, а также для самореализации.

Семья остается — и это ясно видно из опросов общественного мнения — высшей ценностью, хотя она и ослабела за последние тридцать лет. Но любые планы возврата к моделям семьи первой половины столетия представляются по меньшей мере нереалистичными. Условия жизни, а также запросы супругов коренным образом изменились и не имеют ничего общего с образом жизни, существовавшим 30 лет тому назад. В частности, невозможно представить себе, чтобы женщины отказались от регулирования рождаемости или от той независимости, которую им дает трудовая деятельность.

В настоящее время концепция семьи основана на современных взглядах на личную свободу как свободу, ограничиваемую только свободой других, на стремлении к наиболее полному удовлетворению личных потребностей и равенстве партнеров. Ни одна из этих идей не является лишь результатом следования моде: напротив, все они — выражение долгосрочной эволюции. Маловероятно, чтобы общество отвергло эти основополагающие ценности в ближайшие 20 лет. Да это и не нужно. Изменения в моделях семьи — следствие перемен к лучшему в социальной сфере, в частности, расширения возможностей выбора. При реализации этих возможностей свобода индивида зачастую отдается предпочтению перед взаимной ответственностью и сплоченностью семьи, в связи с чем ее подстерегают немалые опасности. Но не изменения моделей семьи сами по себе порождают эти опасности, а неполное ее приспособление к социальным нововведениям.

Позицию Русселя в отношении будущего семейных и демографических институтов можно охарактеризовать как осторожный оптимизм, который разделяют многие исследователи — и на Западе, и у нас. Они полагают, что если семья и переживает кризис, то это кризис не института семьи как такового, а кризис его старых форм, признак перехода к новым формам, возможно, еще не вполне определенным. Семья может стать даже более важной, чем полвека тому назад, но она никогда не станет прежней.

Но все же это мнение не будет единодушным. Во взглядах на переживаемые семьей перемены существуют немалые различия. Исследователи, особенно же идеологи, пресса, политические деятели часто го-

раздо более скептически и в их оценке. Разные позиции сталкиваются между собой, оптимизму в духе Русселя противостоят опасения, что могут возобладать пагубный индивидуализм и эгоизм, способные разрушить и семью, и общество, а потому опасные и для личности.

Это — давние споры, возникшие задолго до того, как набрал силу нынешний «второй демографический переход» с его «постматериалистическими» ценностями. И у нас в России, где очень долго сохранялись патриархальные семейные нравы, они обсуждались еще в прошлом веке. У семейно-общинного строя русской деревни, у патриархальной сельской семьи было немало защитников. Мне уже доводилось цитировать И. Киреевского, противопоставлявшего ценности такой семьи западному индивидуализму. «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости», — писал он, — тогда как в России «личность в общежительных сношениях своих никогда не искала выставить свою самородную особенность как какое-то достоинство», в силу чего «формы общежития, выражая общую цельность быта, никогда не принимали отдельного самостоятельного развития, оторванного от жизни всего народа, и потому не могли ни заглушить в человеке его семейного смысла, ни повредить цельности его нравственного возрастания»³. Киреевский, стало быть, видел в общинно-семейном быте важные достоинства, но многим и в прошлом веке казалось, что этот быт и неотделимая от него патриархальная семья безнадежно устарела и нуждаются в обновлении — и именно потому, что подавляли в человеке его «самородную особенность». «Все зашаталось, все рвется из тисков, из нескладных условий, требует *своего*; все это, задохнувшееся в деспотизме свекрови, отца, мужа, жены, брата, рвется на свободу, не хочет покоряться...» — писал Глеб Успенский⁴.

Хорошо известна антипатриархальная направленность русского марксизма. Ленин не раз отмечал, что развитие капитализма создает слой населения, «совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных» (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 547). Но было бы большим упрощением полагать, что так думали только марксисты. Против попыток защитить старую семью, обосновать великие преимущества России перед Европой на том... основании, что у нас сохранились еще родственные обществу отношения, патриархальность земельного быта, т. е. на нашей социальной отсталости⁵, выступал, например, в 1915 году Бердяев, исходивший из иных, нежели марксисты, посылок. И много лет спустя, уже на склоне лет, он же писал: «С формами семьи связана была тирания, еще более страшная, чем тирания, связанная с формами государства. Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность. И эмансипационное движение, направленное против таких форм семьи, имеет глубокий персоналистический смысл, есть борьба за достоинство человеческой личности... В мире социальной объективации нужно отстаивать более свободные формы семьи, менее авторитарные и менее иерархические... Евангелие... требует свободы от рабства у семьи»⁶.

Со времен Ленина и Бердяева, а тем более со времен Киреевского «эмансипационное движение» в эволюции семьи продвинулось очень

далеко и, казалось бы, должно было принести либо безусловное подтверждение, либо безусловное опровержение «прогрессистских» ожиданий начала века. Но этого не произошло: споры вокруг семьи, ее прошлого, настоящего и будущего продолжаются. У нас многие убеждены, что семья в России переживает страшный кризис; в описанных выше переменах усматривают его многочисленные подтверждения и нередко видят выход в возврате, по крайней мере частичном, к семейным нравам прошлого, к «материнскому призванию женщины» и т. п. Вспоминают и Киреевского, его мысли о семье, полагая их важными «для понимания не только проблемы семьи. Они позволяют постигнуть, в частности, и то, почему в России — по аналогии с беспрекословной властью главы семьи — всегда существовала и в государстве склонность к единоличному управлению и, следовательно, почему в ней вряд ли когда-либо привьется буржуазная демократия западного типа. Русским людям всегда, особенно в критические моменты истории, нужен был народный вождь, правильно сознающий назревшие потребности страны и строго, но справедливо управляющий ею»⁷.

Специалисты, лучше знакомые с западным опытом, рассуждают по-иному. Вот что пишет, например, один из исследователей «второго демографического перехода» Рон Лестег: «Суть дела — в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора. То же, что сейчас обуславливает стремление к демократии в Восточной Европе, как и в других частях мира, прокладывает там путь и второму демографическому переходу. Эпоха растущего религиозного и политического контроля над индивидуальной жизнью человека, которая с такой жестокостью утвердилась на Западе со времен Реформации и Контрреформации и которая длилась до второй половины XX века, пришла к концу»⁸.

Семейная политика: европейский опыт

Споры о семье будут, наверно, продолжаться, но жизнь остановить ее не может. Разные позиции во взглядах на настоящее и будущее семьи получают отражение в идейной борьбе, в политических требованиях различных социальных сил и, в конечном счете, трансформируются в проводимую государствами семейную политику. На что должна быть нацелена такая политика: на торможение тех или иных сдвигов в «семейном» поведении людей и введение его в рамки привычных, веками выработанных норм или, напротив, на приспособление социальных норм и институтов к меняющемуся поведению?

Мы видели, что главная ось, вокруг которой группируются разные точки зрения на переживаемые семейные перемены, а значит, и на цели семейной политики, — это соотношение индивидуальных и коллективных интересов. Соответствуют ли перемены в массовом индивидуальном поведении людей их собственным коллективным интересам, требованиям солидарности на уровне семьи или всего общества, представителем и олицетворением которых выступает правительство любой страны? Ответы на этот вопрос, по существу, тождественны формулированию целей политики, позитивной, негативной или нейтральной по отношению к происходящим переменам. Они могут быть разными.

Один из возможных ответов заключается в том, что все или некоторые перемены приводят к расхождению индивидуальных и коллектив-

³ И. Киреевский. Критика и эстетика. М., 1979, стр. 147, 285—286.

⁴ Г. И. Успенский. Собр. соч. в 9 томах, т. 6, стр. 235.

⁵ Н. Бердяев. Собр. соч., т. 3. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989, стр. 267.

⁶ Н. Бердяев. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939, стр. 193—194.

⁷ М. Ф. Антонов. Ложные маяки и вечные истины: Пути выхода страны из кризиса и русская общественная мысль. М., 1991, стр. 43.

⁸ R. Lesthaeghe. The Second Demographic Transition in Western Countries. An Interpretation (1993, paper).

ных интересов, правительства в интересах самих же граждан должны тормозить эти перемены, препятствовать им, потому что коллективные интересы важнее индивидуальных, а правительства на то и существуют, чтобы охранять коллективные интересы.

Другой ответ заключается в том, что правительства, признавая себя представителями не только коллективных, но и индивидуальных интересов своих граждан, ищут компромисса между теми и другими.

Еще один вариант ответа: семейная жизнь и демографическое воспроизводство — не та область, где могут существовать общенациональные интересы. Правительства вполне отвечают своему назначению, если они обеспечивают оборону страны, соблюдение законов и сохранение природы, частная же жизнь граждан, вопросы семейной солидарности находятся вне пределов их компетенции.

Наконец, ответ может заключаться и в том, что долговременное расхождение индивидуальных и коллективных интересов в принципе невозможно, ибо коллективные интересы представляют собой в некотором роде сумму индивидуальных. В этом случае правительства, облегчая и поддерживая приобретающие массовый характер перемены в индивидуальном поведении, тем самым и отстаивают коллективные интересы самым эффективным образом.

В заявлениях европейских правительств, представленных на Европейской Конференции по народонаселению 1993 года, можно найти элементы всех означенных выше позиций. В том, что касается семьи, четыре главные темы доминируют в этих заявлениях.

Изменение моделей семьи, семейного поведения и будущее семьи. Практически все правительства в той или иной форме подчеркивают свою приверженность заботе о семье как одном из важнейших социальных институтов и более или менее единодушно в том, что должны способствовать улучшению социального положения семей и их членов. Тем не менее большинство из них (и это весьма симптоматично) уклонились от прямого ответа на вопрос о том, как они представляют себе перспективы развития семьи в их странах. Правда, в ряде случаев косвенный ответ на этот вопрос вытекает из описания и оценки тенденций, наблюдаемых в настоящее время.

Правительства стран Западной и особенно Северной Европы, которые ранее других столкнулись с этими переменами, воспринимают их, как правило, без особого беспокойства. В заявлении Финляндии говорится, что правительство занимает нейтральную позицию по отношению к типам семьи, выбираемым гражданами; в заявлении Дании отмечается рост числа сожительства и внебрачных рождений, но утверждается, что это не обязательно порождает социальные проблемы. Правительства Германии и Швеции отмечают, что, несмотря на все перемены, брак и семья сохраняют свой высокий престиж; в заявлении Германии подчеркивается, что государство должно уважать различные взгляды на семейную жизнь, а в заявлении Швеции говорится, что его не тревожит будущее шведской семьи. Соответственно и в целях семейной политики правительств в этих регионах просматриваются мотивы максимального социального инкорпорирования новых семейных форм и отношений, включения их в круг социально дозволенных и защищаемых государством (например, уравнивание юридических и фактических браков в правах, касающихся семейных пособий, в Бельгии).

В Южной и Восточной Европе перемены вызывают большую осторожность, иногда доходящую до их явного неодобрения (косвенно выраженного, например, в заявлении правительства Польши, в котором говорится, что, «несмотря на неблагоприятные внешние условия, поль-

ская семья демонстрирует значительную устойчивость по отношению к влияниям, столь типичным для современной Европы»). Подобная позиция также находит отражение в подходах к определению целей семейной политики. Так, по мнению Ватикана, парам, сожительствующим вне брака, не должны предоставляться те же права, которые имеют супруги, заключившие должным образом оформленный брак. Швейцарское государство, как сказано в правительственном Заявлении, отказывается поставить конкубинат в законодательном плане наравне с браком.

Сочетание семейных и профессиональных обязанностей и ролей, особенно женщин. Перемены в семейной сфере теснейшим образом связаны со все большим распространением профессионального, оплачиваемого труда женщин — одновременно и предпосылкой и результатом этих перемен. Профессиональные и связанные с ними интересы и ценности стали серьезным конкурентом семейных интересов и ценностей не только для мужчин, что всегда считалось как бы само собой разумеющимся, но и для женщин. Л. Руссель включает экономическое и социальное удовлетворение в число важнейших целей, к которым стремятся супруги, строящие свою совместную жизнь, наряду с эмоциональными или рекреационными целями. Вряд ли, однако, подобную ориентацию можно назвать, как это делает он, «синкретическим гедонизмом». Множественность ориентаций привлекает людей прежде всего расширением свободы выбора, а тем самым и расширением адаптационных возможностей личности.

В заявлении Ватикана содержится указание на наметившуюся в последние годы переоценку материнства как важного измерения женской идентичности. Возможно, имеются в виду перемены в Восточной Европе и особенно в бывшем СССР, где постепенно осознается, что занятость женщин в сфере оплачиваемого труда была чрезмерной. Но, как уже отмечалось, в целом для Европейского региона характерно нарастание вовлеченности женщин в профессиональный, оплачиваемый труд: он становится ценностью, конкурирующей с традиционными семейными ценностями, в том числе и с неоплачиваемым трудом в семье. Общество оказывается перед необходимостью создать институциональные рамки, которые отвечали бы этой необходимости, декларируют свою приверженность политике, поддерживающей равные возможности мужчин и женщин во всех областях социальной жизни, и свое стремление создавать для этого необходимые условия. Степень единодушия правительств в ответе на этот вопрос больше, чем при ответах на другие вопросы, ни одно из них не выразило отрицательного отношения к совмещению женщиной оплачиваемого труда с семейными обязанностями и даже те, которые воздержались от прямого ответа на этот вопрос, при конкретном описании своей семейной политики обычно называют разные меры, облегчающие такое сочетание.

Снижение рождаемости и его последствия. Одно-двухдетные семьи и рождаемость, не обеспечивающая простого замещения поколений, практически стали за редким исключением общеевропейскими феноменами. При этом лишь немногие правительства (Швеции, в какой-то мере Великобритании) удовлетворены своим уровнем рождаемости. В подавляющем же большинстве случаев высказывается неудовлетворенность, которая связывается с двумя главными следствиями низкой рождаемости — сокращением естественного прироста населения и особенно с демографическим старением.

При довольно большом единодушии в оценке ситуации, позиции правительств в отношении политики, направленной на ее изменение,

существенно различаются. Эти позиции можно объединить в три группы. Две из них различаются почти полярно. Правительства ряда стран (Бельгии, Великобритании, Дании, Канады, Литвы, Нидерландов, Норвегии, России, США, Швейцарии, Швеции, Украины, Эстонии) определенно заявляют о своем отказе ставить какие-либо количественные цели, связанные с изменением уровня рождаемости.

На другом полюсе — правительства, которые полагают, что они несут ответственность за стимулирование желания родителей иметь детей и должны принимать меры в этом направлении (Венгрия, Греция, Израиль, Кипр, в какой-то мере Латвия и Румыния).

Наконец, имеется еще промежуточная группа стран: они либо не дают никакого ответа, либо дают уклончивый ответ, из которого следует, что главные цели проводимой ими семейной политики — социальные, качественные, но в какой-то мере они рассчитывают и на количественный эффект, то есть на некоторое повышение рождаемости. В этом отношении к ним примыкают и те правительства, которые открыто прокламируют отказ от проведения собственно демографической политики. Типично заявление правительства Норвегии, в котором говорится, что оно не имеет четко сформулированной политики по контролю и стимулированию роста населения и признает свободный выбор лиц и семей в этой области, считая, что его результаты не представляют серьезных проблем для правительства. Одновременно отмечается, что в Норвегии существует общее согласие в том, что путь к повышенной или стабилизированной рождаемости идет через создание для обоих родителей лучших возможностей сочетания платной работы с работой по дому. Еще один пример — заявление Германии, согласно которому семейная политика и меры, касающиеся семьи, имеют самостоятельное, независимое от демографических соображений значение, но может быть получен и демографический эффект, который был бы желателен. К этой группе относятся даже Нидерланды — единственная страна, которая считает желательным сокращение численности своего населения.

Таким образом, в правительственных заявлениях довольно явно просматривается синкретическое понимание целей семейной политики, рассчитанной одновременно и на укрепление семейных ценностей, и на улучшение экономического положения нуждающихся семей, и на облегчение сочетания профессиональных и семейных обязанностей женщин, и на стабилизацию или повышение рождаемости.

В соответствии с таким синкретизмом целей важное место в разделе заявлений, посвященном проблемам рождаемости и семьи, занимает обычно перечисление мер, от которых можно ожидать, по мнению правительств, необходимого синкретического эффекта. Структура этих мер везде примерно одинакова. Они включают в себя разного рода семейные пособия и финансовые льготы, разнообразие возможности для дневного пребывания детей вне семьи, отпуска для родителей в связи с уходом за маленькими или больными детьми или другими нуждающимися в уходе членами семьи, большее приспособление режимов рабочего дня к нуждам семей, а также некоторые другие меры, варьирующие от страны к стране (например, включение времени ухода за детьми в стаж, учитываемый при начислении пенсии). В ряде случаев указывается на связь размера пособий и льгот или продолжительности предоставляемых отпусков с числом детей, что можно рассматривать как проявление демографической направленности этих мер, хотя такая связь может иметь и чисто социальные основания. Как правило, правительства указывают на свое стремление развивать и наращивать меры помощи семьям, некоторые из них (Изра-

иль, Россия, Румыния, Украина) при этом подчеркивают, что в настоящее время их сдерживает ограниченность материальных ресурсов.

В то же время ни одно правительство не ответило на вопрос, каким образом оно оценивает влияние принимаемых им мер на развитие семьи. Между тем известно, что некоторые меры не всегда приводят к достижению намеченных целей, могут вызвать побочный эффект и, не дав желаемого результата, в частности, затруднить доступ женщинам на рынок труда. Вообще неясно, на чем основаны надежды на демографический эффект принимаемых мер. В заявлении Норвегии говорится, что в 1984 г. правительственная комиссия рекомендовала меры по стабилизации рождаемости, указав при этом, что ни в одной из европейских стран не получено надежных доказательств действительности предложенных ею или любых других мер.

Планирование семьи. Эта тема, ввиду ее большей конкретности, занимает в общей проблематике семейной политики несколько особое место. Планирование семьи стало обычной практикой подавляющего большинства семей в странах Европейского региона и главной непосредственной предпосылкой сближения уровней рождаемости в них. Однако материальные, правовые и психологические условия регулирования деторождения в них далеко не одинаковы.

При определении самых общих целей планирования семьи наблюдается значительное единодушие. Здесь преобладает общая позиция, хорошо выраженная в заявлении Ватикана, который «выступает за ответственное отношение к деторождению, основным элементом которого является ответственное планирование размеров семьи. Право принимать решения, касающиеся промежутков между рождениями детей, принадлежит только супругам и никому другому. Супругам необходимо принимать свободные и ответственные решения с полным учетом их долга перед собой, своими уже рожденными детьми, семьей и обществом, в соответствии с объективными моральными нормами, а также их собственными культурными и религиозными традициями». Их право принимать решения в отношении числа и сроков рождения детей не оспаривается ни одним правительством. Распространение и применение противозачаточных средств, прерывание беременности и другие относящиеся к этой области вопросы так или иначе регулируются во всех странах. Тем не менее многие правительства в своих заявлениях обошли эти вопросы полным молчанием. Полученные же ответы на вопрос о правовом статусе практики применения противозачаточных средств, аборт и стерилизации, а также о его измененных свидетельствах, что в разных странах это право трактуется по-разному и здесь диапазон различий наиболее велик.

В заявлении Ватикана говорится, что он поддерживает использование естественных методов регулирования рождаемости и отвергает все формы искусственного аборта. Хотя ни одно из правительств, высказавшихся по этим вопросам, не выражает столь же категоричной точки зрения, позиция некоторых из них, особенно в отношении аборта, по существу, близка к позиции Ватикана. Они ограничивают круг оснований, считающихся достаточными для производства аборта, и эти ограничения иногда даже усиливаются. Например, в Израиле возможное ухудшение условий жизни семьи уже не считается достаточным основанием, как это было до 1980 г., и аборт может быть разрешен только либо если женщина имеет возраст до 17 и старше 40 лет, либо в случае внебрачной беременности, инцеста или насилия, либо при угрозе рождения ребенка с генетическими дефектами, либо в случае опасности для здоровья или жизни матери. Тремя последними случаями ограничена легальность аборта в Испании, Португалии,

Польше. Ограничения на производство аборта вводит Закон о защите эмбриональной жизни, принятый в 1992 году в Венгрии.

В то же время позиция ряда других правительств свидетельствует о быстрой либерализации законодательства, касающегося методов регулирования числа и сроков рождения детей. Многие из них не признают никаких или почти никаких ограничений в этой области. Например, в заявлении Канады отмечается, что запрет на применение противозачаточных средств не существует с 1969 года, ограничения на производство аборта отменены в 1988 году, закон охраняет также право человека на добровольную стерилизацию. Об отсутствии запретов на добровольную стерилизацию говорится в заявлениях Великобритании (правда, с оговоркой в отношении Северной Ирландии), Латвии, Украины, Швеции. Об отсутствии запретов на производство аборта (обычно при соблюдении определенных условий, касающихся сроков беременности, квалификации врача и т. п.) свидетельствуют заявления Великобритании, Дании, Греции, Италии, Латвии, Норвегии, России, Румынии, Швейцарии, Швеции, Украины, Эстонии. В Нидерландах производство аборта официально не разрешено, однако допускаемые законом широкие исключения делают его практически свободным. В Заявлениях некоторых правительств (Италии, Норвегии) подчеркивается, что легализация абортот не привела к увеличению их числа. Еще большее число правительств подтверждает свободу контрацепции, некоторые из них (Австрия, Нидерланды, Румыния) заявляют о стремлении содействовать информации населения о средствах контрацепции и расширению их доступности.

Заключение

Нельзя не видеть, что перемены в семейной жизни людей, их отражение в научном сознании и идеологии и демографическая политика образуют три разных достаточно самостоятельных пласта реальности. Одни и те же процессы нередко получают весьма разные толкования, которые далеко разводят представителей противоположных идеологических лагерей, порой становятся инструментами идейной или политической борьбы, далекой от собственно семейных проблем.

Когда же наступает время практических действий, жизнь, гораздо более многообразная, чем ее отражение в идеологических доктринах, подталкивает к прагматизму и компромиссу, а значит, и к сближению позиций. Правительства, даже если они и провозглашают приверженность тем или иным «семейно-политическим» лозунгам, как правило, избегают доктринерского насилия над жизнью, проявляют достаточный политический реализм, фактическое признание многообразия семейных форм и норм поведения. Из этого правила есть, конечно, исключения: декларирование государственной заинтересованности в повышении рождаемости, рестриктивное законодательство в области аборта в некоторых странах и т. п. Но это тоже обычно не фантазии правительства, а уступка влиятельным политическим силам, давлению общественного мнения. В целом несомненна либеральная направленность проводимой в европейских странах семейной политики, основанной на принципе невмешательства во внутренние дела семьи. В этом смысле в них очень много общих черт, преобладает сходство, а не различия.